

·thebigbook·

**БАРСЕЛОНА
ПРОКЛЯТАЯ ЗЕМЛЯ.**

— РОМАН —

ХУАН ФРАНСИСКО ФЕРРАНДИС

Санкт-Петербург

УДК 821.134.2
ББК 84(4Исп)-44
Ф 43

Juan Francisco Ferrándiz
LA TIERRA MALDITA
Copyright © 2018, Juan Francisco Ferrándiz
All rights reserved

Перевод с испанского Кирилла Корконосенко

Оформление обложки Ильи Кучмы

ISBN 978-5-389-15465-0

© К. С. Корконосенко, перевод, 2020
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2020
Издательство АЗБУКА®

*Моему сыну Марку, обитателю тысячи миров.
Мы пьем из одного источника воображения,
так пусть он никогда не иссякнет.
Спасибо за идеи приключений и подвигов,
на которые ты неистощим*

В истории есть такие периоды, которые, за недостатком источников информации, можно взять приступом, только если заранее признать рискованность и слабость своей позиции: вполне возможно, что мы заблуждаемся, что если бы мы чудом сумели отступить на тысячу лет назад и собственными глазами лицезреть людей, о которых повествуем, и наблюдать события, которые истолковываем, тогда, наверное, сходство между реальностью и миром, созданным в нашем воображении, оказалось бы не слишком значительно, а изумление наше — велико.

Рамон д'Абадаль. Первые графы каталонские

Пролог

Монастырь Санта-Афра, к северу от Жироны

Ненастной ночью они добрались до монастыря и укрылись за одним из кладбищенских надгробий. Вдалеке слышалось завывание волков, которые шли по их следу.

Пятеро монахов, читавших вечерние молитвы в каменной часовне, услышали плач. Настоятель Адальдус продолжил службу, дабы отпугнуть ночные страхи, но брат Райнарт, уже много лет назад потерявший зрение, поднялся с колен и объявил, что бесплотные души, бродящие по холмам, так не плачут.

Запасшись факелами, монахи робко выбрались наружу и обошли церковь. Волки уже обнюхивали могилы, самый крупный зверь скалился на людей. Монахи потрясали факелами, поэтому им удалось отогнать волков — и тогда за одной из могил они увидели детей. Мальчику было на вид лет семь, а девочке чуть больше трех. Дети были похожи, их светлые волосы спутались и слиплись. Мальчик обнимал малышку, оберегая от опасностей, но это был жест глубочайшего отчаяния. Увидев монахов, он умоляюще пискнул. Девочка открыла небесно-голубые глаза и вгляделась в темноту, где скрывались волки. Несмотря на малый возраст, она не плакала, и монахам это показалось странным. Возможно, ребяташки и были братом и сестрой, но души их вели себя по-разному.

— Они вас покусали? — озабоченно спросил настоятель.

Дети покачали головой. Рубашонка на девочке была разорвана, как будто волки вылизывали ей спину. Растерянные монахи кинулись за одеялами. Мальчик крепко сжимал тисовый лук, тетиву которого, определенно, он не смог бы натянуть. Оба ребен-

ка выглядели голодными и изможденными, они промокли до нитки, а ноги их были сбиты в кровь от долгой ходьбы. При этом лохмотья, в которые превратились рубашки, были льняные, отменной выделки. Взгляды детей таили в себе трагическую историю — одну из множества, происходивших в этих мрачных краях.

— Кажется, они пришли издалека. Бедняжки совсем заledenели и ослабли!

— Они выживут, — определил старый монах Райнарт, с удивлением ощупывая детские головы. — Господь охранил их и привел сюда ради какой-то цели. Но кто вы такие?

Дети ничего не ответили. Ответ пришел уже после того, как они обогрелись и подкрепились несколькими краяхами хлеба с черствым сыром. Просто чудо, что дети добрались до монастыря из самого сердца Барселонского графства, проведя в пути несколько дней. Маленькая община бенедиктинцев порешила называть их Рожденными от земли, чтобы скрыть, что это Изембард и Ротель, дети Изембарда из Тенеса, последнего рыцаря Марки, сгинувшего во время кровопролитного мятежа графа Гильема Септиманского, который взялся за оружие на юге Французского королевства и захватил власть в Барселоне, предав смерти законного графа.

Монахи переглядывались с похоронными минами, пока Изембард лопотал подробности страшной истории. Подтверждались самые худшие слухи. Дом Тенес, возвышенный до благородного звания для защиты Испанской марки (южного предела Священной Римской империи) от сарацин, теперь исчезал, погружаясь в темную легенду. От замка на утесе над рекой Тенес остались только безмолвные развалины, и долго еще ни один человек не отважится разрыхлить эти земли мотыгой или повалить одряхлевший дуб. Место это сделалось проклятым.

Но дети рассказывали еще и об ужасных существах, населивших леса, и о кровавых злодеяниях на покинутых людями пустошах. Брат Райнарт вжал голову в плечи, понимая, что теперь с разоренной Испанской марки расплзается тьма и некому поставить ей предел.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Испанская марка

Во второй половине IX века Священная Римская империя была поделена между внуками Карла Великого и сыновьями этих внуков. Имперская мечта растворялась в братоубийственных войнах, в жажде власти и в нищете, как и зачатки земледельческой и государственной реформы старого императора. Большие правящие дома прирастали землями в обмен на войска и вассальные договоры, а на границах агонизирующей империи возникали новые опасности: Германии угрожали орды славян, Италии — сарацины, а Франции — норманны и Кордовский эмират.

Приходившие извне угрозы сдерживались приграничными марками, управлявшимися графами, которых король назначал для охраны имперских территорий. На юге Пиренеев, в местности, которую в эпоху вестготов называли Готия или Септимания, были графства Барселона, Осона, Жирона, Ампурьяс, Серданья, Уржел, Пальярс и Рибаторса, охранявшие протяженные границы королевства Франции с Кордовским эмиратом. Ни Карлу Великому, ни его потомкам не удалось стабильно закрепиться на новых территориях к югу от бассейнов рек Льобрегат, Карденер и Сегрэ. Это и была Испанская марка, а прямо на границе, между сумрачным запустением и лучезарным Средиземноморьем, стояла Барселона — последний город империи.

С 801 года, когда город отбили у Кордовского эмирата, Барселона приняла на себя больше полудюжины грабительских атак и налетов сарацин, которые приходили из-за Льобрегата и опустошали деревни, обители и поля на территориях Барселонского и Осонского графств. Горделивая римская стена древнего Барсино, укрепленная после Реконкисты, предоставляла защиту более чем полутора тысячам жителей, однако угроза была настолько серьезна и посто-

янна, что многие вестготские дома были снесены, уступив место садам и пашням, поскольку жизнь посевов за городскими стенами была эфемерной и скоротечной.

Короли и графы понимали, что предоставить Испанскую марку ее собственной участи означает подвергнуть империю великой опасности, однако из-за распрей между потомками Карла Великого на этот последний рубеж напоздало облако темноты и забвения. Доходившие оттуда зловещие истории приводили в трепет всех жителей королевства. Барселона и Марка были страшным местом.

В июне 860 года мирный договор, заключенный в Кобленце, позволил четверым Каролингам, потомкам великого императора, заново поделить земли Священной Римской империи. Карл Лысый, сын Людовика Благочестивого от второго брака, оставил за собой Францию, а Людовик Немецкий, сын Благочестивого от первого брака, получил Германию к востоку от Рейна. Людовик Второй, сын покойного Лотаря Первого, отправлялся в Италию с сохранением императорского титула, а его брату Лотарю Второму досталась Лотарингия — широкая полоса земли от Северного моря до самых Альп.

Пипин Второй, сын Пипина Первого и племянник Людовика Благочестивого, который всегда отличался скверным характером и враждебным отношением к своему дяде Карлу, лишился Аквитании и нашел пристанище в бретонских землях.

Однако равновесие снова нарушилось в тот год, когда Лотарь Второй прогнал свою жену Теутбергу, представительницу знатного рода Бозонидов, к тому же близкую подругу Карла Лысого. Франкская знать почувствовала себя оскорбленной. И между Каролингами опять завязалась усобица, и началось передвижение войск и реквизиция скота и запустение на полях.

В Барселоне и в Испанской марке наступило короткое мирное затишье: франкский граф Гунфрид из Гюши, властитель Барселонны, Жироны, Ампурияса и Руссильона, в 857 году подписал договор о перемирии с властителем мавританской Сарагосы и занялся охранением южных берегов от норманнских вторжений. После истории с Теутбергой Гунфрид поспешил на помощь Карлу Лысому, и сарацины воспользовались его отлучкой. В 861 году Барселона пережила еще один набег, опустошивший поля и предместья. От окончательной катастрофы спасла только крепкая стена.

Город стоял обессиленный, покинутый своим графом, посева погибли, торговля замерла — и тогда виконт и знатные мужи Барселоны взмолились, чтобы король назначил хотя бы епископа, место которого тоже пустовало.

Задачи епископов состояли в том, чтобы управлять церковным округом и уравновешивать власть графов. Они получали часть от налогов и обладали собственной государственной печатью. Единственная надежда Барселоны состояла в том, что новый епископ появится прежде, чем безвластие и непрочность приведут к полному уничтожению, как это случилось с Эгарой, Аусой¹ и близлежащим Ампурьясом, к которому после недавнего прихода норманнов уже прикоснулось крыло смерти.

¹ Жители Эгары переехали в соседний город Тарраса. Ауса находилась на месте современного Вика. — *Примеч. автора.*

1

Реймс, осень

Священник Фродоин, представитель благородного дома Раиранов из Реймса, считал, что первые двадцать пять лет его жизни были только преддверием к тому, что должно было произойти, и с замиранием сердца следил за бронзовыми дверями, ведущими в епископский зал. Фродоин уже несколько месяцев дожидался аудиенции у архиепископа Гинкмара, самого влиятельного священнослужителя Французской церкви, советника короля Карла Лысого. Фродоин был знаком с архиепископом еще с тех времен, когда учился в соборной школе, а теперь бывшему ученику не терпелось узнать, какую высокую честь готова возложить на него Церковь.

В последние десятилетия дом Раиранов возвысился благодаря услугам, оказанным Французской короне. Отец Фродоина пал в битве во время восстания Пипина, а старший брат сражался бок о бок с королем против норманнов в Аквитании. К тому же Раираны даровали свои земли аббатствам Нотр-Дам в Компьене и в Шелле, чтобы заручиться милостью архиепископа. После двух лет священства младший брат мог рассчитывать на блестящий *cursus honorum*¹ в церковной курии. Он представлял себе епархию неподалеку от Реймса, со всеми привилегиями и сборами, с рабами, возделывающими его поля, с приходами, приносящими немалую прибыль. Быть может, ему удалось бы воздвиг-

¹ *Cursus honorum* (лат. путь чести) — последовательность военных и политических магистратур, через которые проходила карьера древнеримских политиков сенаторского ранга; здесь — синоним карьеры. — *Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, — примеч. перев.*

нуть и собственный храм, как сделал сам Гинкмар, в течение двадцати лет расширявший Реймский собор.

Когда двери распахнулись, Фродоин сумел сохранить хладнокровие. Он рассматривал три полукруглых свода, поддерживаемых стройными мраморными колоннами, и лепнину, щедро украшавшую стены и потолок. Узкие окна смягчали свет яркого дня, в лучах клубились тонкие облачка пыли. Каноники и епископы наблюдали за аудиенцией со стоящих ярусами скамей; в глубине зала на троне из серебра и драгоценных камней восседал Гинкмар, могущественный архиепископ Реймский — с жезлом и в митре, в которой проблескивали золотые нити.

Взволнованный Фродоин поцеловал перстень на руке прелата. Царственная поза Гинкмара, которому перевалило уже за пятьдесят, внушала молодому священнику робость. Он поднял глаза — над тронном помещалось распятие. Венец у Христа был золотой, а взгляд какой-то пустой, отсутствующий, как будто собравшиеся в зале ему докучали.

— Сын мой, — заговорил Гинкмар, — ты считаешь, наш Спаситель страдал на кресте?

Фродоин затрепетал. Во время учебы он отличался в арифметике, а еще ему нравились истории о греческих и римских властителях, однако теологическая премудрость давалась ему с трудом. Если сейчас он даст неправильный ответ, это могут счесть ересью, вот почему молодой человек решил быть предельно осторожным в своих словах.

— Я считаю, что страдание — это удел людей, если они рассчитывают обрести вечную жизнь.

— А слуга Господень, каковыми являемся все мы, — должен ли он страдать подобно остальным людям?

Фродоин выдержал пристальный взгляд Гинкмара. Под сводами царило напряженное молчание, и вдруг на скамьях для клириков кто-то кашлянул. Фродоин насторожился: что-то явно пошло не так.

— Церковь призвана возводить Царство Божие, расширять его владения и уничтожать язычество, которое до сих пор являет себя миру. — Произнося эти формулы, Фродоин почувствовал себя более уверенно, хотя напряжение и не ослабевало. — Пастыри Церкви должны вести владык и царей к счастью и по-

виновению. Если ради такой цели должно пострадать, Господь за это воздаст.

— Ты честолюбив и упорен, Фродоин. Мне известно, что эти качества отличали тебя еще в соборной школе. Но вот я спрашиваю себя — хорошо ли это для человека веры... Быть может, тебе следовало стать воином.

— Но ведь меня призвал к служению Господь, — отвечал Фродоин; ему вовсе не нравилось направление этой беседы. — Церковь тоже нуждается в силе, чтобы преуспеть в своей миссии.

Гинкмар удовлетворенно кивнул. Обнадеженный Фродоин бросил вызывающий взгляд на клириков, сидевших на скамьях с мрачными лицами. Он выдержал допрос с достоинством, и теперь, возможно, архиепископ вознаградит его более остальных.

— Ты, определенно, подходишь, — заключил Гинкмар.

Фродоин склонил голову, чтобы выслушать, какой милостью он будет облечен.

— От имени нашего короля Карла и по дозволению Фредольда, архиепископа Нарбоннского, ты назначаешься епископом Барселонским. Там ожидает тебя твое служение, там ты достроишь собор, который начал возводить один из твоих предшественников, епископ Жоан, там ты исполнишь священную миссию, о которой говоришь с таким пылом.

У молодого священника подогнулись колени. Царившее в зале молчание означало, что это решение не удивило никого из собравшихся клириков. Фродоин снова украдкой посмотрел на них. Некоторые, казалось, были готовы хлопнуть в ладоши. Молодой священник будет вспоминать этот миг еще много недель, саркастически усмехаясь.

— Господин мой архиепископ... Ведь это же Испанская марка, — прошептал он, почти не дыша.

На сердце ему опустилась черная тень. Фродоин знал, что Барселона агонизирует на крайнем юге королевства и что последние шесть десятков лет город страдает от нескончаемых набегов. Особенно хорошо молодой человек помнил рассказы своего отца, участника этих событий. В 843 году король лишил власти над городом своенравного графа Берната Септиманского, годами творившего беззакония, тот поднял восстание и в конце концов лишился головы. В Марке возрадовались назначению нового графа, гота из здешних краев по имени Сунифред. Он за-

думал снова заселить опустевшие земли и вернуть Марке процветание, но сын Берната, Гильем Септиманский, живший и воспитывавшийся при дворе в качестве заложника, лелеял планы мести. Гильем притворно присягнул королю и пользовался его благосклонностью. В 848 году он захватил бывшие владения своего отца на южной стороне Пиренейских гор, предав смерти графа Сунифреда и его рыцарей. Гильем продержался в этих горах два года, чиня неслыханные зверства. В 850 году он вступил в союз с сарацинским полководцем, огнем и мечом они проложили себе дорогу к самому сердцу Барселоны. Гильем и потом продолжал бесчинствовать в Марке и добрался до Жироны, пока не был схвачен и казнен Алераном, графом Труа.

С тех пор в Барселонском графстве сменилось несколько правителей, однако город был все так же погружен во тьму и запустение. Там сохранился епископский престол и монетный двор для чеканки собственных денег, хотя домов оставалось не более четырехсот. Никто не хотел ехать в Барселону, и нынешний граф, Гунфрид из Гютии, предпочитал держаться подальше от своей резиденции, при короле и его странствующем дворе.

— Если ты примешь сан, тебя рукоположат и отправят в путь без промедления, — продолжал Гинкмар. — Ты получишь то же, чем обладали твои предшественники: налоги, земли и сервов¹. На строительство собора, заложенного епископом Жоаном, пойдет треть всех монет, которые чеканятся в городе, а еще треть от налогов со всех товаров, которые прибывают в Барселону как по суше, так и по морю. Но основная твоя задача — на корню истребить мосарабский² ритуал церковнослужения и насадить римскую традицию проведения мессы. Слуги, подобные тебе, нужны именно там, а не в других частях королевства.

Фродоин склонил голову, словно приговоренный к смерти преступник. Король отправляет его в самое опасное и глухое из своих владений, дабы он водительствовал над враждебной паствой, решившей, что Франкская империя о ней позабыла.

¹ *Серв* — важный термин для правильного понимания этой истории. Серв — не раб и не крепостной; это зависимый крестьянин с ограничением личных и гражданских прав, но без прикрепления к земле.

² *Мосарабы* — так называли христиан, проживавших на территориях Пиренейского полуострова, находящихся под контролем мусульман.

— Это проклятая земля! — вырвалось у Фродоина.

После такого дерзостного ответа в зале воцарилась абсолютная тишина. Гинкмар обвел собравшихся церковников презрительным взглядом.

— Ни один из этих довольных жизнью прелатов там не справится, — определил он. — А ты — сможешь. Мне открыл это Господь. Ты соглашаешься?

Фродоин знал наверняка, что за его семьей не числится никаких провинностей, которые могли бы навлечь на него столь суровое наказание, поэтому он решил, что это заговор, устроенный другими знатными домами, чтобы помешать его восхождению. Некоторые священники улыбались; иные из них, возрастом не старше Фродоина, уже правили своими епархиями как настоящие короли. «Мне подстроили ловушку», — подумал священник, и эта мысль привела его в бешенство. Человек, подобный ему, принадлежащий к родовитому семейству, не должен снисходить до управления епархией в самом сумрачном краю на свете; при этом все понимают, что отказ будет равносильен краху его церковной карьеры.

— Так что же?

Когда Фродоин уже был готов ответить отрицательно, он вспомнил, о чем размышлял, входя в эти двери. Молодой человек всегда чувствовал в себе какое-то важное призвание, и то же самое ощущение не покидало его даже после унижительного предложения Гинкмара. «Пути Господни не всегда прямы, а Барселона, несмотря ни на что, до сих пор держится», — сказал Фродоин самому себе.

— Да, я согласен.

Гадостные улыбочки мигом исчезли с лиц его недругов. Фродоин бросил самодовольный взгляд на скамьи — эти люди никогда не обвинят его в малодушии.

— Если такова воля короля и Церкви, я стану новым епископом Барселонским.

Гинкмар подался вперед. В глазах его Фродоин прочитал плохо скрываемую гордость.

— Ты уверен? Это ведь земля мучеников.

Гинкмар имел в виду скорбный список епископов и аббатов, умерщвленных в Готии самыми злодейскими способами. Вообще-то, никто до сих пор не узнал, что случилось с предыдущим

епископом, Адаульфом, но ходили слухи, что кончина его была кровавой. А Фродоин в это время мог думать только о сумятице, в которую прямо сейчас превращалась его жизнь.

— Когда я должен ехать?

— После посвящения в сан отправишься в Нарбонну, где препоручишь себя власти архиепископа Фредольда. Затем поедешь в свой город. Стадо давно уже сбилось с пути, ему требуется пастырь с твердой рукой. Нам известно, что непокорные священники, приверженцы мосарабского ритуала, посягнули на наше имущество. Ты должен его вернуть.

Фродоин подумал, что столкнется и с куда большими проблемами, но вслух о своих сомнениях не объявил. Его тщеславие сменилось неуверенностью. Однако Гинкмар еще не закончил свои наставления.

— С тобой поедет молодой пресвитер Жорди, он родом из Барселоны и поможет тебе в сложных сношениях с готами. С тобой также отправится мой исповедник, бенедиктинец Сервусдеи — это человек святой, помимо того что мудрый, ты знал его еще по школе. Сервусдеи — знаток законов и соборных постановлений, он будет тебя наставлять в готских правилах и традициях. Он станет твоим лучшим помощником. Я ценю этого человека настолько, что, по правде говоря, мне жаль с ним расставаться.

— Благодарю вас, мой господин, — искренне произнес священник.

Один из архидиаконов что-то прошептал на ухо Гинкмару, и тот взглянул на Фродоина с грустью:

— Тебе следует знать, что недавно Барселона вновь пережила набег сарацин. Они не прошли за стены, но разрушили предместья. Многие бежали из города, население сократилось на десятую долю. Графа Гунфрида нет, так что ты будешь наделен самой большой властью в городе, наравне с нынешним виконтом Сунифредом, и тебе придется заслужить уважение готов и *hispani*¹.

¹ Наименование *hispani* употреблялось по отношению к жителям разных земель, вошедших в Испанскую марку, и означало переселенцев с территорий, занятых мусульманами, — вестготского, испано-готского, испано-римского происхождения.

Фродоин склонил голову. Теперь молодой священник корил себя за вспышку тщеславия, которая заставила его согласиться, ведь этот поступок мог оказаться главной ошибкой всей его жизни. Ему хотелось покинуть епископский зал прежде, чем все заметят его страх. Но, уже подходя к дверям, Фродоин подумал, что его позиции укрепятся, если он поедет не один, и он осмелился обратиться к Гинкмару с просьбой:

— Господин архиепископ, я прошу, чтобы король позволил мне взять с собой колонов-переселенцев и наделить их церковными землями в обмен на ренту. Если одна из проблем Марки — вечная убыль населения, в наших интересах поселить там больше христиан, практикующих римские обряды.

— Мы рассмотрим этот вопрос, — задумчиво ответил прелат.

Перед этой встречей несколько знатных вельмож давили на Гинкмара, заставляя провалить молодого священника, но старик чувствовал, что Фродоин с его необычным характером выступит частью божественного плана, которого сам архиепископ пока не постигал, и что выезд священника на границу империи — это еще не конец. Колесо делало новый поворот — вот с каким чувством Гинкмар произнес свои заключительные слова:

— По каким-то причинам ты нужен Господу там. — Голос священника задрожал. — Да хранит тебя Всевышний и да не лишит он тебя отваги, Фродоин, поскольку ты был прав: это проклятая земля.

2

Окрестности Каркассона

Элизия, стоя под дождем, отвела с лица темные пряди; взгляд ее был устремлен на могилу деда, который составлял всю ее семью. Девушке было шестнадцать лет, и вот она осталась одна, без родни.

Девушка отрешенно наблюдала, как капли падают на мраморную плиту на маленьком кладбище возле часовни Святого Иакова. За ее спиной слышалось скорбное бормотание людей, присутствовавших на похоронах, — они уходили, позволяя ей

проститься с покойным в одиночку. Элизия жалела, что не умеет писать: ей бы хотелось начертать на камне имя — Ламбер.

Вдалеке в туманной дымке виднелась городская крепость, а под ней беспорядочные улочки предместья, спускавшегося к самому берегу реки Од. Среди этих домов с каменными стенами и деревянными перекрытиями находился и ее родной кров — постоянный двор Отерио, где она трудилась вместе с дедом с тех пор, как себя помнила. Ламбер всегда рассказывал девочке, что она — дочь отважного солдата, который погиб, сражаясь под началом графа Берá Второго, и, посмеиваясь, предрекал малышке великое будущее. Но, немного повзрослев, Элизия узнала, что дедушка выдумал эту сказку, чтобы подбодрить сироту, с шести лет вынужденную работать на постоялом дворе рядом с мостом через реку.

Ее родители и братья погибли при пожаре в этом самом здании, когда девочке было всего два года. Дед с внучкой спали под навесом вместе с другими слугами, и Элизия сызмальства помогала во всех работах, доступных ее возрасту: носила дрова, чинила крышу, накрывала на стол. Ламбер с Элизией знать не знали, что такое отдых, но старый Отерио, хозяин гостиницы, считал их членами своей семьи. Жили они тяжело, зато ни в чем не нуждались.

Хотя они с Ламбером являлись сервами Отерио, Элизия была счастлива в этом тесном мирке. Прирожденный оптимизм не давал ей проводить жизнь в жалобах на судьбу. Элизия никогда не покидала Каркассон, но ее приводили в восторг истории постояльцев — купцов и паломников. Девочка трепетала, слушая рассказы о дорожных опасностях и приключениях, и воображала, как бы сама повела себя в таких обстоятельствах.

Работа на постоялом дворе занимала все ее время. Когда Элизия превратилась в стройную девушку с миндалевидными глазами, сверкавшими при каждой улыбке, она уже умела ловко ускользать от похотливых рук постояльцев и бойко отвечать на их сальные комплименты. Всякий раз, когда служанка навещала замшелые могилы своих родственников на кладбище Святого Иакова, она благодарила Господа, что у нее есть дедушка и крыша над головой. Это было много больше того, что имели другие обитатели городских предместий.

Осень в том году наступила внезапно, а с ней пришло и несчастье. Два дня назад старый Ламбер, увидев на небе покрывало темных туч, поднялся на крышу гостиницы, чтобы перевязать солому. Элизия услышала во дворе крики и выбежала из кухни: она увидела на земле сломанную лестницу и лежащего рядом деда. Ей осталось только проводить его безутешным плачем, но ужасная рана от его ухода становилась все глубже.

Отерио скорбел о кончине своего любимого слуги, он взял на себя и расходы на похороны, как будто речь шла о родственнике.

Стоя над могилой деда, Элизия почувствовала на своих пальцах прикосновение чужой руки и вздрогнула. Это был Гали́. Девушка наградила его печальным взглядом и не стала отдергивать озябшую руку. Этот парень двадцати пяти лет от роду, с веселыми глазами и острым языком, жил в их гостинице уже около года. Он был внуком друга семьи Отерио, как пояснил сам хозяин, принявший паренька с распростертыми объятиями. Гали был не то чтобы красавец, зато его широкая улыбка и краснобайство всем приходились по нраву. Гали днями напролет просиживал в таверне при постоялом дворе, и его любезничанья в конце концов очаровали юную девушку. Ламберу не нравилось, что его внучка так увлеклась парнем, не имеющим ни дела, ни земли; он так и говорил Элизии, но бесшабашность Гали уже вскружила девичью голову.

За два дня до несчастья Гали дерзко поцеловал ее в дровяном сарае, и Элизия не противилась, поэтому теперь, когда они оказались один на один под дождем на кладбище, его прикосновение было ей приятно.

— Ламбер обещал, что ты никогда не будешь одна. Я о тебе позабочусь.

Элизия грустно улыбнулась. Слова Гали всегда приходили в самый подходящий момент, и она позволила себя обнять, хотя это было и неправильно. Девушка дрожала от холода.

— Ламбер выполнял свои обещания.

Она знала, что прошлое Гали темно и отмечено несчастьями, как и ее собственное. Мальчик вырос на положении свободного человека в городке Вернет, что в графстве Конфлент, ведь его дед Гомбау, друг Отерио, от имени графа следил за сбором налогов с виноградников. В 848 году предатель Гильем Септиманский убил в Барселоне графа Сунифреда и ополчился на его вас-

салов, среди которых был и Гомбау. В Вернет пришли солдаты, они разрушили дом Гали, изнасиловали, а потом убили его мать и сестер. Мальчику с дедом удалось скрыться, потом они вместе жили в Ампурьясе. Когда Гомбау умер, Гали, оставшийся без крова над головой, пришел в Каркассон, чтобы искать пристанища у Отерио.

На постоялом дворе все предупреждали Элизию насчет этого парня, но она не обращала внимания на слова доброхотов. Гали был человек свободный, повидал мир и предпочитал ее другим служанкам, постарше. Его медовые речи всегда заставляли девушку чувствовать себя особенной.

— Ты подумала о моем предложении? — спросил Гали.

— Барселона находится на границе. — Элизия вздрогнула: она хорошо понимала, что он имеет в виду, и ей было неприятно говорить о таком, стоя перед свежей могилой. — Это опасная земля.

— Но именно сейчас у нас появилась возможность выбраться отсюда! — Гали мягко обхватил ее лицо ладонями — так он поступал, когда хотел придать своим словам особое значение. — Присоединиться к отряду нового епископа Барселонского — это единственный способ путешествовать по дорогам Испанской марки. Он обещал землю и покровительство Церкви всем, кто с ним отправится.

На постоялом дворе ни о чем другом и не говорили. Новый епископ, Фродоин, прибыл в Нарбонну, а через две недели отправится в Барселону вместе со всеми, кто только поверит в его обещания. Столь рискованное начинание не всем пришлось по сердцу, к тому же несколько епископов и знатные семейства, соперничающие с домом Раиранов, стремились помешать успеху этого похода.

У Элизии закружилась голова. Тело ее бабушки еще не успело остыть, а Гали вновь принялся ее донимать. Уже несколько недель назад молодой человек рассказал ей, что Гомбау кое-что припрятал в своем барселонском доме незадолго до бегства. Гали убеждал, что вот она, возможность вернуться и забрать богатство, а ее он хочет взять с собой.

— Барселона — опасное место, — мрачно повторила Элизия. — Говорят, этот город скоро исчезнет.

— Да ее крепостные стены выше, чем стены Каркассона, — пылко воскликнул парень, не обращая внимания, что раскричался над могилой старика Ламбера.

— Гали, нам ведь и здесь неплохо. Ты действительно веришь, что твой дед сказал тебе правду?

— Просто убежден. Если то, о чем я тебе рассказывал, все еще там, наша жизнь переменится!

— Вот этого я и боюсь. К тому же у меня есть хозяин — Отерио.

Гали погладил девушку по голове и залихватски усмехнулся — от такой лихости чувства ее приходили в смятение.

— Я с ним поговорю. Если он отпустит тебя со мной, ты больше не будешь рабыней!

Элизия вздохнула. В этот день она не собиралась поддаваться чарам Гали.

— Говорят, этот самый Фродоин — честолюбец, мечтавший о богатой епархии, а Барселона дана ему в наказание. Если он берет с собой колонов, так это чтобы они возделывали его земли и платили налоги.

— Ну конечно, он и должен быть честолюбив! Но самое важное здесь другое: с ним мы сможем путешествовать в безопасности. Элизия, верь мне: наше будущее ждет нас в Барселоне.

— Но ты никогда там не бывал! Ты пришел из Вернета, — возразила девушка. И добавила: — Меня пугает это пограничье.

Гали помрачнел. Такого сопротивления он не ожидал. Тем не менее отступить он не собирался.

— Мы могли бы открыть наш собственный постоялый двор. Только представь: ты будешь хозяйкой, ведь я собираюсь все разделить с тобой. Твои дети вырастут свободными и ни в чем не будут нуждаться.

Элизии от этих слов не стало веселей. Она нежно провела рукой по могильной плите Ламбера. Мудрый старик желал для внучки лучшей доли, он никогда бы не согласился на такую авантюру. Теперь Ламбера не стало, а Гали продолжал настаивать. Элизия в глубине души призналась себе, что это прекрасная мечта. Но тут же подумала, что Отерио ни за что ее не отпустит, потому что очень нуждается в ней на постоялом дворе, и это послужило ей утешением.

Элизия вспомнила, как в двенадцать лет начала интересоваться работой дедушки, который был гостиничным поваром. Стоя перед гигантскими очагами, девочка с его помощью постигала секреты приправ и супов, училась по запаху определять точную степень готовности жаркого. У нее развилась особая интуиция, и Отерио извлек из этого качества все выгоды. Элизии, ставшей помощницей Лорана, было поручено коптить рыбу, засаливать мясо и набивать колбасы. Вскоре внучка Ламбера проявила себя и в изготовлении пирожных и нуги, а также фруктовых компотов, которые хранились в больших кувшинах.

Постояльцы нахваливали кухню Отерио. Ламбер с внучкой как праздника дожидались появления в Каркассоне экзотических специй и наизусть твердили рецепты, которые пересказывали им путешественники, прибывшие из дальних краев, а потом готовили для них эти блюда, чтобы иноземцы чувствовали себя как дома. Постоялый дом процветал как никогда прежде, и слава о нем распространилась даже за пределы графства. Отерио обращался с девушкой как с родней, и Элизия знала, что никогда не останется без крова над головой.

Теперь ей хотелось только плакать.

— Иногда мне кажется, что ты уйдешь с ними в любом случае, Гали. — Она положила голову на его плечо. — Я рабыня и останусь такой навсегда. — Элизия вся дрожала. — Мне холодно. Давай вернемся в гостиницу.

Пока они спускались по скользкому от грязи склону холма, в глазах парня сгущались темнота.

После похорон Ламбера прошло три дня. Старый Отерио сидел в подвальном этаже таверны в компании еще пятерых мужчин; все молчали, на лицах застыло напряжение. Хозяин гостиницы чувствовал, что земля уходит у него из-под ног. На крышке перевернутой бочки, за которой мужчины играли в кости и пили вино, рядом с Гали высилась горка серебряных монет, которые Отерио проиграл, почти не сознавая того, ослепленный ходом игры. То была самая кошмарная его ночь за многие годы. Старик был в ярости, ему хотелось зашвырнуть подальше три желтых костяных кубика, лишивших его столь многого.

Гали усмехался, глядя на выигранные монеты, а Отерио мечтал вцепиться ему в глотку. Он распахнул для этого парня все

Феррандис Х. Ф.

Ф 43 Барселона. Проклятая земля : роман / Хуан Франсиско Феррандис ; пер. с исп. К. Корконосенко. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. — 608 с. — (The Big Book).

ISBN 978-5-389-15465-0

Хуан Франсиско Феррандис — известный испанский писатель, один из лидеров жанра исторического романа. Его новая книга, историческая сага «Барселона. Проклятая земля», завоевала любовь тысяч читателей, и не случайно за ее перевод взялся блестящий переводчик, лауреат премии «Ясная Поляна» Кирилл Корконосенко.

В девятом веке Барселона была одним из самых отдаленных заголовков франкского королевства. Город с населением в полторы тысячи душ опустошали набеги сарацин и диких орд. Молодой епископ Фродоин по велению короля франков прибывает на эту проклятую землю. Его назначение скорее наказание, чем честь, но что-то заставляет его принять вызов. Епископ упорно строит величественный собор. Вместе с таинственной красавицей по имени Года, которая любит Барселону больше всего на свете, они начинают упорную борьбу за процветание земли. Им помогают отважный рыцарь Изембард, хозяйка постоялого двора Элисия и многие простые люди. Однако враги многочисленны, а распри местных дворян лишь ухудшают положение. Барселоне угрожает нашествие. Спасти город может лишь чудо...

Впервые на русском.

УДК 821.134.2
ББК 84(4Исп)-44

Литературно-художественное издание

ХУАН ФРАНСИСКО ФЕРРАНДИС
БАРСЕЛОНА. ПРОКЛЯТАЯ ЗЕМЛЯ

Ответственный редактор Галина Соловьева
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Маргарита Ахметова, Татьяна Бородулина
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 20.12.2019. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 38. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-ABB-23844-01-R